

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27+347.781.52
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

В. М. Амиров **V. M. Amirov**

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

POLITICAL PERSPECTIVE IN A JOURNALISTIC DISCOURSE OF MODERN ARMED CONFLICTS

Аннотация. *Анализируются проблемы взаимодействия политического и журналистского дискурса современных вооруженных конфликтов.*

Abstract. *In the article problems of interaction of a political and journalistic discourse of modern armed conflicts are analyzed.*

Ключевые слова: журналистика; дискурс; конфликт; пресса; публикации; политика.

Key words: journalism; discourse; conflict; press; publications; policy.

Сведения об авторе: Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств.

About the author: Amirov Valery Mikhailovich, Associate Professor of the Chair of Periodicals of Institute of Humanitarian Problems and Arts.

Место работы: Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural Federal University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

e-mail: vestnik-va@mail.ru.

Исходя из вряд ли нуждающегося в доказательстве тезиса о том, что война является одним из проявлений политики, можно предположить, что журналистский дискурс современных вооруженных конфликтов должен самым тесным образом взаимодействовать с политическим дискурсом. Ведь объясняя читателю цели боевых действий, предпосылки войн и экономико-политическое значение их итогов, перечисляя вовлеченные в боевые действия страны и народы, анализируя имеющиеся у сторон военные, экономические и информационные ресурсы, давая оценки справедливости/несправедливости войны с той или иной стороны, журналист так или иначе обращается к политике.

Но в каких именно аспектах осуществляется взаимодействие совокупности коммуникативных практик, каковой является дискурс современного вооруженного конфликта, с другой совокупностью коммуникативных практик — политическим дискурсом? Таких «точек пересечения» видится несколько.

В научной литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич считают, что политический дискурс — это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 2001: 6]. Данное определение демонстрирует широкий подход к содержанию понятия «политический дискурс». И действительно, однознач-

ного определения этого понятия в лингвистике нет.

Обобщая опыт отечественных исследователей политической коммуникации, А. П. Чудинов в своей книге «Политическая лингвистика» выделяет следующие антиномии этого явления: ритуальность и информативность; институциональность и личностный характер; эзотеричность и общедоступность; редукционизм и многоаспектность информации в политическом тексте; авторство и анонимность политического текста; интертекстуальность и автономность политического текста; агрессивность и толерантность [Чудинов 2003].

К политическому дискурсу, кроме совокупности всех речевых актов, используемых в публичных дискуссиях, некоторые исследователи относят также различные реплики, комментарии и тексты, созданные в процессе политической коммуникации обычными гражданами, например их записи в блогах и на электронных сайтах, в том числе письма и обращения к политикам и государственным структурам, анекдоты политической тематики, стихи острополитического содержания и т. д. Как отмечают Э. В. Будаев и А. П. Чудинов, особую часть политического дискурса составляют «политические детективы», политические мемуары, а также посвященные политике тексты научной коммуникации [Будаев, Чудинов 2006: 25—26].

В. Маслова пишет о том, что «политический дискурс ... представляет собой особую разновидность дискурса и имеет своей целью завоевание и удержание политической

власти» [Маслова 2008].

Одним из наиболее заметных исследований политического дискурса последних лет является работа Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса» [Шейгал 2000: 89]. По мнению этого исследователя, политический дискурс, как и другие виды дискурса, имеет два измерения: реальное и виртуальное. Под реальным измерением ученый понимает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. Под виртуальным же измерением политического дискурса понимается «семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере» [Сорокин 1997: 57].

Ю. А. Сорокин рассматривает политический дискурс как разновидность идеологического дискурса: «Политический дискурс есть видовая разновидность идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический — имплицитно прагматичен. Первый вид дискурса — субдискурс, второй вид дискурса — метадискурс» [Там же: 57]. Такое понимание дискурса особенно актуально, когда речь идет о государственной идеологии.

Критически осмысливая представленные точки зрения в свете изучения политического дискурса СМИ, мы предполагаем, что последний является частью политического дискурса. Наиболее полное определение политического дискурса СМИ дает К. В. Никитина: **политический дискурс СМИ — сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст — ситуативный и социокультурный, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса** [Никитина 2006: 16]. Это определение коррелирует с мнением Т. Н. Лобановой о том, что политический дискурс СМИ представляет собой коммуникативную область наложения политического дискурса и дискурса СМИ [Лобанова 2011: 91]. О политическом дискурсе как посреднике между людьми, облеченными властью, и их главными адресатами — избирателями — пишет и

Ю. Н. Караулов, который полагает, что «языковая личность политика есть отражение его „картины мира“, его аксиологических установок» [Караулов 2007: 89].

Е. В. Кипрская выделяет следующие характеристики политического дискурса: наличие полевой структуры с базовыми концептами «власть» и «политик»; институциональность; подверженность разнонаправленным процессам эвфемизации и дисфемизации; идеологичность [Кипрская 2005]. Составляющей идеологичности, по ее мнению, является политическая корректность. Среди факторов, обуславливающих эту корректность, указываются высокий уровень социальной культуры и устоявшиеся традиции общественного поведения, идеология и менталитет общества, коммерческий интерес к человеку как к потенциальному клиенту [Там же].

Анализируя взгляды на сущность и черты политического дискурса ведущих ученых-лингвистов, мы отметили несколько закономерностей, которые имеют большое значение для понимания линий взаимодействия журналистского политического дискурса и журналистского дискурса современных вооруженных конфликтов. **Во-первых**, под политическим дискурсом понимается совокупность не только речевых актов, но и самых разнообразных по форме вербализованных актов, воплощенных в текстах различных типов — от выступлений и реплик политиков до мнений по политическим вопросам простых граждан. **Во-вторых**, политический дискурс детерминирован идеологией, и в том числе государственной идеологией, т. е., среди прочего, пропагандистскими концептами, составляющими основу государственных идеологических установок на понимание тех или иных событий и тенденций. **В-третьих**, как для отдельного политика, так и для политических объединений (партий, блоков и т. д.) прагматической сутью политического дискурса является власть (процесс ее обретения, поддержания или усиления). **В-четвертых**, журналистский политический дискурс вполне логично может быть рассмотрен как часть политического дискурса.

Итак, как же политический дискурс взаимодействует с журналистским дискурсом современных вооруженных конфликтов? Говоря о проблемах конструирования поля политики в дискурсе СМИ, Э. В. Чепкина указывает: основная проблема связана здесь с тем, что «журналистский дискурс имеет собственную логику отбора и интерпретации событий и персонажей, конструирования концептов, актуальных в контексте борьбы

значимых для общества политико-идеологических смыслов. В связи с этим логика самого политического поля и его ведущих практик может существенно трансформироваться в контексте дискурса СМИ» [Чепкина]. Исследователь обращает внимание «на три актуальных направления конструирования журналистами поля политики: отбор событий как информационных поводов и практики интерпретации этих событий; практики выбора и представления персонажей из поля политики; практики конструирования концептов, одинаково важных для поля политики и журналистского дискурса» [Там же]. Представляется, что такой подход вполне применим и к журналистскому дискурсу современных вооруженных конфликтов. Однако, разумеется, конструирование поля политики имеет здесь ряд существенных особенностей. Попробуем выделить наиболее значимые из них.

Первое. Поскольку вооруженный конфликт уже сам по себе является политическим явлением, обращение журналиста к тематике боевых действий в значительной мере предопределяет его обращение к политическому дискурсу. Вот что по этому поводу замечает один из современных военных теоретиков генерал В. Лобов: «Коль существует государство, то у него есть политика, коль она у него есть, то она должна и может продолжаться войной» [Лобов]. Нельзя, таким образом, писать о вооруженном конфликте и так или иначе не обращаться к политическому дискурсу.

Второе. Анализируя и интерпретируя получаемую информацию, журналист сопоставляет ее со своими внутренними установками, в числе которых, если речь идет о вооруженном конфликте, есть и установки политического характера. К такого рода установкам относятся, например, «патриотические». Нельзя не учитывать и так называемые «традиционные» политические установки журналистов, сформированные государственной пропагандой СССР еще в годы холодной войны и с незначительными изменениями переживавшие в наши дни: «у России особый путь», «Запад добивается разрушения России», «все, что плохо для Запада, хорошо для нашей страны» и т. д.

Третье. При выборе аргументов для обоснования своей позиции по тому или иному аспекту вооруженного конфликта журналисты вынуждены обращаться к экспертам, которые также не свободны от политических оценок происходящего, а иногда и принципиально оценивают определенные события с точки зрения политики.

Четвертое. Журналистский дискурс современного вооруженного конфликта не-

возможен без больших бэкграундовых массивов, которые предоставляют читателю возможность самому сделать выводы относительно предпосылок, причин и непосредственных поводов к началу вооруженного конфликта, а также относительно его хода, имеющих у противоборствующих сторон политических, военных, экономических, информационных ресурсов и т. д. Формируя бэкграунд, журналист учитывает в том числе политические аспекты.

Пятое. Поскольку сами по себе современные вооруженные конфликты могут иметь весьма скоротечный характер (грузино-осетинский конфликт получил в прессе название «пятидневной войны» [См., напр.: Зыгарь, Соловьев 2008; Даждан 2008]), ситуативные военные и военно-политические изменения происходят в них стремительно. Как правило, мирные переговоры, способствующие окончанию конфликта, завершаются сложным компромиссом, в котором гарантами выступают сразу несколько сил. В связи с этим поле политики в журналистском дискурсе современных вооруженных конфликтов может трансформироваться не только постоянно, но и с высокой динамикой, реагируя на изменения внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановки. Такими определяющими изменениями во внутривнутриполитической обстановке может быть, например, предвыборная борьба, в ходе которой политики, руководствуясь тактическими соображениями, могут неоднократно менять свои подходы к вооруженному конфликту, происходящему с участием вооруженных сил государства или без такого участия в зоне, относимой к политическим интересам России.

Выделяются различные формы взаимодействия журналистского дискурса современного вооруженного конфликта с политическим дискурсом:

– *изложение политиками различных уровней точки зрения на происходящие события, отражающей официальную позицию государства: ...президент Дмитрий Медведев, отвечая на вопрос корреспондента „Голоса России“: „Возвращаясь к событиям двухлетней давности, я хотел бы сказать, что считаю все решения, принятые в тот период, абсолютно оправданными и доказавшими эффективность... Те, кто высказывал озабоченность, смогли убедиться, что действия российской стороны были продиктованы только одним — желанием сохранить жизнь людям, которые подверглись агрессии“ [Цит. по: Подольская, Силецкий]; ...госсекретарь Хиллари Клинтон, побывавшая с визитом в Тбилиси, назвала Абхазию и Южную Оссе-*

тию „оккупированными территориями“ и заверила в поддержке территориальной целостности Грузии [Новикова];

– **использование мнения политического или общественного деятеля в качестве комментария.** Примером может служить отрывок из интервью министра иностранных дел РФ С. Лаврова: *Идет гражданская война. И мирным жителям абсолютно все равно, от кого они гибнут — от ударов Каддафи, от ударов повстанцев или от ударов с воздуха, которые наносит коалиция, причем по большому счету уже без разбора. Коалиция, по сути, открыто объявляет, что в ее задачу входит смена режима. Что Каддафи и его родственники — со всеми экивоками, с которыми обставляется данная фраза, — законная цель. Это уж совсем перебор* [Лавров];

– **использование мнения политического или общественного деятеля в качестве экспертного для оценки сложившейся ситуации и для прогноза развития событий:** *Одни лишь только удары с воздуха по силам, верным ливийскому лидеру, „не решат эту проблему, поскольку эти силы давно находятся в городах и избежать серьезных потерь среди гражданского населения практически невозможно“,* отметил Рогозин [НАТО «буксует»];

– **публикация при освещении событий вооруженного конфликта официальных заявлений государственных политических институтов:** *„По заявлениям официальных источников, восемь полицейских было убито в городе Хама в столкновениях с вооруженными экстремистами, — говорится по этому поводу в заявлении МИД России. — В Москве выражают серьезную обеспокоенность в связи с поступающей информацией о многочисленных жертвах“* [Применение силы против мирных жителей...];

– **изложение полностью, кратко или в адекватной интерпретации официальных заявлений независимых политических институтов:** *Совбез ООН осудил сирийские власти за нарушения прав человека. В принятом заявлении выражается сожаление по поводу гибели сотен людей. Это заявление стало первой официальной позицией Совбеза ООН с момента начала волнений в ближневосточной стране* [Совбез ООН осудил...];

– **публикация заявлений руководителей или высших органов военно-политических союзов:** *ОДКБ (организация Договора по коллективной безопасности — В. А.) выражает серьезную обеспокоенность складывающейся ситуацией в Аф-*

ганистане, где „деятельность экстремистских организаций распространилась практически на всю территорию страны, в том числе ее северные провинции, пограничные с южными рубежами СНГ“ [ОДКБ: Афганистан остается]; *По словам генсека НАТО, цель альянса, который будет действовать в строгом соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН, — защита гражданского населения и районов его проживания от атак сил, верных Муамару Каддафи* [Расмуссен отметил...];

– **приведение в тексте публикации заявлений авторитетных политических общественных организаций:** *Власти Киргизии должны принять срочные меры по пресечению массовых пыток и произвольных задержаний узбеков, подозреваемых в причастности к июньским межнациональным столкновениям на юге страны, заявила „Хьюман Райтс Вотч“. Эти нарушения подрывают объективность расследования и нагнетают напряженность, угрожая дальнейшей дестабилизацией ситуации, отмечает международная правозащитная организация* [Human Rights Watch];

– **публикация заявлений руководящих органов политических партий или их лидеров:** *„Россия должна предотвратить будущую агрессию, потенциальную угрозу со стороны Турции на Ближнем Востоке, в частности, против Сирии. Конфликт вполне реален. И возможно, что в него вступит Иран, уже на стороне Сирии. Эта война подойдет к границам Кавказа, а значит, к границам России, — сказал Жириновский. — Необходимо подготовить русскую армию к подобному отрицательному сценарию развития событий на Кавказском фронте“* [Бубновский];

– **публикация мнений экспертов, рассматривающих политическую подоплеку того или иного вооруженного конфликта, те или иные политические аспекты происходящих боевых действий:** *Иран и Турция — оба эти государства пытаются продвинуть на Кавказе свою игру. Об этом в беседе с корреспондентом „Новости Армении — NEWS.am“ заявил руководитель Центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа полковник запаса кандидат военных наук Анатолий Цыганок* [Российский эксперт];

– **публикация в рамках журналистского дискурса вооруженных конфликтов воспоминаний и мемуаров, исследований политиков или ученых, устанавливающих связь между политическими собы-**

тиями, имевшими место в истории, и современными событиями вооруженных конфликтов: „После вывода советских войск правительство Наджибуллы оставалось у власти еще три года. А сколько продержится правительство Хамида Карзая, если войска НАТО сегодня уйдут из страны?“ — спрашивает, в свою очередь, российский посол, который считает, что после терактов 11 сентября 2001 года Москва приняла правильное решение, отказавшись отправлять российских солдат в Афганистан и таким образом остановившись на краю болота, в котором уязли США [Бернабе].

Таким образом, взаимодействие политического дискурса с журналистским дискурсом современных вооруженных конфликтов не только возможно, но и постоянно осуществляется журналистами на практике. Конструирование поля политики в журналистском дискурсе современных вооруженных конфликтов производится с помощью сложной системы приемов, которые непрерывно совершенствуются в соответствии с развитием коммуникативных технологий (например, с появлением возможности для обращения к электронным справочным массивам или получения комментария с помощью сети Интернет). Можно утверждать, что необходимость привнесения политических аспектов в материалы, составляющие журналистский дискурс современных вооруженных конфликтов, связана также с общим повышением требований к аналитичности публикаций, с запросом читательской аудитории на рост аналитической составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М.: Знание, 1991.
2. Бернабе М. Забытые уроки афганской войны // Эль Мундо / [пер. ИноСМИ]. 2011. 6 сент.
3. Бубновский М. Жириновский призывает руководство РФ предотвратить агрессию против Сирии // Новый регион. URL : <http://rx24.ru/news/accidents/10/32623.html> (дата обращения: 5.09.2011).
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе / УрГПУ. — Екатеринбург, 2006.
5. Джадан И. Пятидневная война: техника и мораль. Разбор полетов // Агентство политических новостей. 2008. 14 авг.
6. Зыгарь М., Соловьев В. Пятидневная война // Власть. 2008. 18 авг.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: ЛКИ, 2007.

8. Кипрская Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ: на примере конфликта в Ираке 2003—2004 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Киров, 2005.

9. Лавров С. Мы проявили конструктивность по Ливии, ею сейчас злоупотребляют // Московские новости. 2011. 12 мая.

10. Лобанова Т. Н. Языковая репрезентация и оценка образа современной России в газетных публикациях КНР // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2.

11. Лобов В. Вольные рассуждения о войне // Военно-политические проблемы. URL: http://www.rau.su/observer/N01_01/1_10.HTM (дата обращения: 2.08.2011).

12. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1(24). С. 43—48.

13. НАТО «буксует» в ситуации с Ливией, считает Дмитрий Рогозин // Российское информационное агентство «Новости». URL: http://ria.ru/arab_war/20110323/356962834.html (дата обращения: 2011. 7 июля).

14. Никитина К. В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами : многопредмет. науч. журн. / ОрелГТУ, 2006.

15. Новикова Е. Жертва национальных интересов // Эксперт-online. URL: http://expert.ru/2010/08/4/ughny_kavkaz/ (дата обращения: 4.08.2011).

16. ОДКБ: Афганистан остается источником угроз для стран Центральной Азии // ИА РОСБАЛТ. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/03/17/829611.html> (дата обращения: 10.08.2011).

17. Подольская Н., Силецкий И. Пятидневная война: взгляд через два года // Радио «Голос России» : офиц. сайт. URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/08/07/14854337.html> (дата обращения: 5.08.2011).

18. Применение силы против мирных жителей в Сирии должно быть прекращено // Российская газета. 2011. 1 авг.

19. Расмуссен отметил важность командования операции в Ливии для НАТО // Красная звезда. 2011. 30 июля.

20. Российский эксперт: Иран может встать на защиту Сирии от Турции // Новости Армении — NEWS.am. 2011. 16 авг. URL: <http://www.yerkramas.org/2011/08/16/rossijskij-ekspert-iran-mozhet-vstat-na-zashhitu-sirii-ot-turcii/>.

21. Совбез ООН осудил сирийские власти за нарушение прав человека // Комсомольская правда. 2011. 7 авг.

22. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический

дискурс в России. — М., 1997.

23. *Чепкина Э. В.* Конструирование поля политики в журналистском дискурсе. URL: <http://journ.usu.ru/index.php/component/content/article/430> (дата обращения: 4.08.2011).

24. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. Общие проблемы, метафора : учеб. пособие. — Екатеринбург, 2003.

25. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического

дискурса. — Волгоград, 2000.

26. *Human Rights Watch* заявляет о массовых пытках и произвольных задержаниях узбеков на юге Кыргызстана // Фергана.ру. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=15215> (дата обращения: 5.09.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филос. наук, проф. В. Ф. Олешко